

УДК 821.161.1.0
ББК 83/3(2Рос=Рус)6
Г 52

Научный редактор:
А. В. Корчинский

Глазова Е. Ю.

Г 52 **Метаморфоза слова. Теоретическая мысль Осипа Мандельштама.** — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 336 с. — (Studia philologica. Series minor.)

ISBN 978-5-907117-87-7

Важнейший ключ к поэзии О. Мандельштама — его теоретическая поэтика, система взглядов на природу поэтического слова и образа. Книга, которую читатель держит в руках, — значительный шаг к пониманию философии языка и творчества, которая выразилась в «Разговоре о Данте» и других литературно-эстетических сочинениях О. Мандельштама. В центре исследования — коммуникация поэта с его предшественниками и читателями и процессы смыслообразования в системе «автор — сообщение — адресат». Как показывает Е. Глазова, задача поэзии для Мандельштама — не транслировать сообщения, но пробуждать, формировать и разрабатывать образ как коммуникативный посыл и запрос, собирающий вокруг себя комментарии, разговоры, пересуды, множественные слои художественных традиций. Мандельштам выступает как поэт метаморфозы, т. е. динамичного преобразования разных пластов бытия: ландшафтного и портретного, визуального и музыкального, скорости, звука и цвета.

Книга раскрывает сложнейшую систему координат поэтического и теоретического мышления Мандельштама в их неразрывном единстве и обращена к филологам, культурологам и к широкому кругу ценителей поэзии.

ISBN 978-5-907117-87-7

УДК 821.161.1.0
ББК 83/3(2Рос=Рус)6

*В оформлении переплета использована картина
М. Чюрлениса «Похоронная симфония (VI)» (1903 г.)*

© Е. Ю. Глазова, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарственное слово.....	9
С. С. Аверинцев. Предисловие к английскому изданию	11
Введение	16
I. Значение и пустота	27
1. Бинарные оппозиции в ранних эссе Мандельштама (1913–1915)	28
2. Свидетельство теоретического кризиса	42
II. Природа слова	52
1. Слово — камень (1913–1919)	52
2. Слово как внутренняя и внешняя реальность (1921–1922)	58
3. Слово как пространство (1925)	61
4. Слово как путешествие (1930-е годы)	66
III. Слово в действии: гипнотическая сила поэзии	69
1. Гипнотизм и «сгущение» речи в поэзии	69
2. Двойное воздействие поэзии (1921–1924)	73
3. Катастрофическая сущность поэзии (1921–1932).....	84
4. Волны-сигналы значения (1930-е годы)	89
IV. Участие читателя	94
1. Диалогическая природа поэзии (1913 и последующие годы)	94
2. Исчезновение поэтического голоса	97
3. Чтение как метаморфоза.....	104

V. Путешествие по мирам Данте: метаморфозы, ряды и циклы поэтического пространства	115
1. «Скрещенный процесс» поэтической речи	115
2. Начало чтения: погружение в инфернальное пространство	126
2.1. Начало процесса — зарождение движения рядом с материальными фрагментами «мыслящей жизни»	127
2.2. Провал или разлом.	129
2.3. Смерть как результат проникновения	132
2.4. Чтение как чувство интертекстуальности	133
2.5. Обратимость времени	134
2.6. Построение органа передачи и восприятия	135
2.7. Язык как приказ	137
2.8. Призрак прошлого как адресат.	138
3. Рождение Чистилища: слово как инстинктивное бегство из Ада	139
3.1. Оплодотворение камня	140
3.2. Выжимание.	141
3.3. Выжимание как проявление внутренней структуры	142
3.4. Метаморфозы инстинктивных формаций.	143
3.5. Инстинктивное начало как адресат	146
4. Оживающая география Чистилища. Прочтение текста как раскрашивание деталей	147
4.1. Знакомство с частями: ярко раскрашенные миниатюры.	148
4.2. Цвет как выражение / выжимание природных красок.	149
4.3. Цвет как скорость.	151
4.4. Окраска поэтического текста как воображение и его пределы	154
4.5. Читатель как адресат	156
5. От цвета к порыву: волновая структура текста.	157
5.1. «Светящийся, разбрызганный алфавит»	158
5.2. Образ плавания.	159
5.3. «Зыбучая, взволнованная» поверхность текста ...	163
5.4. Пределы языка.	165
5.5. Соисследователь как адресат	167

6. В предчувствии неба: музыка как проверка конечной фазы поэтического порыва	169
6.1. Движение от разума к вере	170
6.2. Музыка и химия	173
6.3. Дирижерская палочка	174
6.4. Адресат как безукоризненный мастер	176
7. Предварительные выводы.	180
VI. Теоретические открытия Мандельштама	186
1. Мандельштам и постструктурализм. Предварительные замечания о принадлежности Мандельштама к определенному течению теоретической мысли.	188
2. Poleмический фокус поэтики зрелого Мандельштама: гибридная природа поэзии и реинтерпретация аристотелевских концепций формы и материи	198
3. Скрещении порыва и материи: в полемике с русскими формалистами	203
4. Оценка теоретической обоснованности мандельштамовского «порыва» в современной поэтике: Мукаржовский и Пастернак	215
5. Метаморфозы поэтической коммуникации.	220
6. Письмо и чтение, автор и адресат	223
7. Подготовка восприятия. Восприимчивость поэта и читателя и скрытые различия их ролей	228
8. Интертекстуальность и предшествующая поэтическая традиция в контексте постструктуралистской поэтики	238
9. Поэзия как рефлексология речи	248
Список цитированной литературы.	251
Литература по теме исследования.	259

*Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом, —
Только здесь, на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, —
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...*

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО

Я искренне благодарна за то, что эта книга наконец пришла к русскому читателю. Благодарю прежде всего Юрия Троицкого и Анатолия Корчинского, без которых ее бы не было. Благодарю также Веру Столярову и Григория Бондаренко за их тщательную работу над книгой.

Подружкам моей юности — Елене Цодыкс, Ольге Кашниковой, Марине Никитиной, Ольге Шкаренковой, Татьяне Федоровой: спасибо вам, девочки, за то, что детство наше было не пустым, а добрым и умным. Так мне теперь кажется.

Благодарю моих американских коллег по университету Эмори: Михаила Эпштейна, Джульетту Апкарян, Николая Копосова, Веру и Олега Проскуриных, Марианну Тайманову. Это очень непросто — создать дружескую и одновременно интеллектуальную атмосферу на кафедре. Мы все по-настоящему преданы этой цели.

Благодарю Марию Хотимскую, которая, прочитав первый вариант этой книги по-английски, предложила перевести несколько глав. За те добрые слова и первый перевод я глубоко признательна. За работу Натальи Трауберг и Юрия Табака — глубочайшая благодарность.

Всем, кто помог с редактурой этой книги, — самая искренняя признательность.

В моей жизни есть несколько человек, без которых, я думаю, ничего бы никогда не состоялось. Кевин Корриган, мой любимый друг и собеседник, не дал мне отчаяться, когда я, уже как филолог, вплотную столкнулась с «Разговором о Данте» и с миром Данте Алигьери. Моя приемная мать Марина Глазова, соавтор нашей книги «Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Осипа Мандельштама», — величайший дар моей жизни. Улыбка Беатриче помогала Данте путешествовать по раю, подниматься от одной планеты к другой. Марине потребовалась гораздо больше, чем улыбка, чтобы воспитать и вести по жизни меня и моих братьев Гришу и Яшу.

И рядом со мной всегда отец, Юрий Яковлевич Глазов, так рано ушедший от нас. Он первым в 1968 г., когда я была еще совсем девочкой, ввел в нашу жизнь поэзию Осипа Мандельштама, которая стала неотъемлемой частью нашей жизни. Думая о папе, о его влиянии на меня и на мою семью всегда повторяю строчки Мандельштама: «Когда я спал без облика и склада, / Я дружбой был, как выстрелом, разбужен».

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Свойство книги, которое, пожалуй, первым бросается в глаза читателю, — это правильно найденная пропорция осмотрительности и отваги. Если тема скрывает в себе так много трудностей, опасностей, подвохов, как тема настоящего исследования, она требует от автора сознательной готовности на риск. Мандельштам — виртуоз точно продуманных диаметрально противоположных утверждений, делаемых в один и тот же период жизни, подчас в одном и том же тексте; в одной строке слово стоит словно бы перпендикулярно к другому, и это отнюдь не причуда, но самое существо его поэтической позиции. Его поэзия резко противоположна и классицизму, и авангардизму, находясь в чрезвычайной близости и к тому, и к другому. Мы ощущаем напряжение между логическими полюсами и в стихах, и в прозаических рассуждениях поэта. *Слепая ласточка на крыльях срезанных вот-вот в чертог теней вернется* — но всё-таки еще не вернулась; *яркая, нежная зелень на улицах нищего Петербурга* говорит о девственном лесе, *который покроеет место современных городов*, — но покамест есть еще место *горожанину и другу горожан*, и старый мир жив более, чем когда-либо; и всё уместается в единой точке дистанции между грамматическими формами будущего и настоящего. Тот, кто решил писать книгу об этом поэте, не понимая

рискованности этого предприятия, заранее обречен на сомнительный результат. И, напротив, то, что в оптику этой книги от начала до конца входит трезвая зрительность по отношению к этому риску, уже свидетельствует о ее качестве. Хорошо, что уже Введение формулирует задачу: «to uncover the structure and consistency of Mandel'shtam's apparently impenetrable and disconnected theoretical discourses»¹ (с. 11). Связность в бессвязности — это действительно сущность мандельштамовской мысли, и мы не увидим связности — подчас поразительной и всегда неожиданной, — если не перечувствуем содержательное отсутствие внешней связности.

Вторая гарантия высокого уровня — последовательность, с которой исключены все соблазны чересчур легких умозаключений от обстоятельств биографии поэта (включая догадки психологического и психоаналитического характера), а также от политической истории его отечества. Сложности этой задачи усугублены и тем обстоятельством, что Мандельштам, никоим образом не отвечая образу поэта *doctus*, каким он часто является, например, в трудах Ральфа Дутли, постоянно проявляет неожиданные провалы в познаниях — но также и столь же неожиданную глубину познаний (а также сверхострую догадливость, для которой подчас достаточно самого беглого перелистывания книги или вылавливание сведений из прокуренного воздуха умных разговоров); по большей части исследователь лишен права уверенно постулировать для него знание такого-то текста или, напротив, незнание другого. Мы лишены возможности, так сказать, из-за его плеча подглядывать за его чтением (процедура, по отношению к большинству русских символистов возможная). И если, в соответствии со знаменитым высказыванием Мандельштама, цитируемым

¹ «...Обнажить структуру и установить связность на первый взгляд несвязного мандельштамовского теоретического дискурса» (прим. ред.).

и в этой книге, для «разночинца» список прочитанных книг и есть его биография, то одной из форм искушения чересчур биографического подхода могла бы стать неуместно уверенная игра в интертекстуальную детерминацию каждого атома текста (тем более, что сам поэт неосторожно сказал в «Разговоре о Данте» про упоминательную клавиатуру, спровоцировав своих исследователей на методологические эксцессы, подчас прямо-таки грозящие перекрыть бронхи мандельштамоведения). Но и этот вариант неуместного биографизма чужд этой работе. Автор, обнаруживая во Введении достаточную осведомленность и о биографическом, и об историческом контексте, с необычной для нашего времени естественностью выдерживает подход, при котором общие концепты, *universalia*, как говорили в любезные Мандельштаму Средние века, не подменяются ничем посторонним. Речь идет действительно о «structure and consistency of Mandel'shtam's theoretical discourse», а не о чем-либо ином. Вполне обоснован сформулированный в том же Введении отказ от еще одной возможности короткого замыкания на биографии поэта, на сей раз биографии творческой: от рассмотрения теоретических дискурсов Мандельштама как комментария к его стихам. Совершенно очевидно, что у него не было ни такого намерения, ни ненамеренного эгоцентрического помрачения ума, когда литератор вместо того, чтобы думать о возможностях поэзии, снова и снова думает только о своих собственных возможностях. Мандельштам был слишком впечатлителен по отношению к чужому творчеству, чтобы не выходить далеко за пределы такого замкнутого круга. Пример, имеющий в себе по обстоятельствам свою, если угодно забавную, даже гротескную, сторону, не переставая от этого по существу очень хорошо рекомендовать Мандельштама как субъекта мышления о литературе, мы находим в статье 1923 г. «Vulgata. Заметки о поэзии». Рассуждая в этой статье о Пастернаке как великом «секуляризаторе» русского поэтического слова, переориентировавшем поэзию с «ли-

тургической» речи интеллигенции на «домашнее корне-слолье» и драстическую энергию консонантов, оказывается настолько захвачен темой своей мысли, что для обострения контраста довольно агрессивно отзывается о практике «малого словаря», который «есть признак того, что говорящий не доверяет родной почве и не всюду может поставить свою ногу»; в качестве примеров упоминаются Сологуб, Ахматова (почувствовавшая себя задетой), Кузмин. Все это поражает постольку, поскольку являет собой диаметрально противоположность дискурсу *pro domo tua*: Мандельштам не мог не знать, что сам он в качестве практикующего поэта представляет собой аналог никак не Пастернаку, а скорее тому же Сологубу (которого так прославит в 1924 г.); что мандельштамовский словарь — за вычетом исключений, подтверждающих и оттеняющих правило, — есть, конечно, типичный пример «малого словаря», в котором отсутствие определенных компонентов чуть ли не важнее присутствия других, а выше всего ценится умение сказать неслыханное самыми обычными языковыми средствами (как в латыни Цезаря или во французском языке Расина). Но для того, чтобы с такой точностью сказать самое главное о раннем Пастернаке, надо было радикально отвлечься от собственных проблем, «забыть ненужное я», как сказано в одном мандельштамовском стихотворении². Это пример яркий и особенно очевидный, но далеко, далеко не единственный.

Итак, ограничения, которым подвергнута тематика книги, безусловно оправданы, и проведены они строго и последовательно. Тем интереснее, что с их соблюдением

² Я не обсуждаю мемуарного рассказа Вильям-Вильмонта, согласно которому весь этот пассаж — как бы эхо слов самого Пастернака, сказанных еще в 1915 г. в разговоре с Гумилёвым и Мандельштамом; нет надобности подозревать мемуариста, пересказывающего пересказ этих слов, чтобы усомниться в точности свидетельства столь позднего. Притом существо дела не изменилось бы, если бы некоторые фразы мандельштамовской статьи оказались криптоцитатами.

автору остается так много сказать и что напряжение анализа не только не спадает, но явственно нарастает от начала к концу книги. По ходу этого движения отметим анализ высказываний «Разговора о Данте», представляющих, может быть, наиболее благоприятный для предлагаемого подхода материал. А в последних разделах происходит динамический выход к более широким перспективам. Рассмотрение теоретических импликаций Мандельштама, завершающее книгу, едва ли не в наибольшей степени оправдывает целое.

Сергей Аверинцев